ПЕРЕПЕЧАТКА

ПЕРЕВОДЪ ВОСПРЕЩЕНЫ.

НАБРОСКИ
СЪ НАТУРЫ

Понятіе объ Америкѣ

или

„Не все то золото, что блеститъ“

АВТОРЪ

Н. М. ЛИФШИЦЪ.

КОВНО.

О О О

ПОСВЯЩАЮ ВСѢМЪ ѢДУЩИМЪ
ВЪ НОВЫЙ СВѢТЪ.

КОВНО.
Электро-тип. Ю. АССА

1912.

Предисловіе.

Предлагаемые читателю наброски предназначены къ печати съ исключительною цѣлью—дать вѣрное понятіе о поѣздкѣ въ „свободную“ Американскую землю, въ которую такъ рвется не только нашъ простой народъ, но и люди, нахватавшіеся интеллигентныхъ верхушекъ, нерѣдко желающіе освободиться отъ той или отъ иной повинности, или отъ „бремени“ налоговъ (имѣющихся, однако, во всѣхъ государствахъ) и проч. Сверхъ того Америку и до сихъ поръ считаютъ, почему-то, „страною золота“, въ которой потокъ долларовъ свободно, будто-бы, переливается въ карманы пріѣзжихъ иностранцевъ. И потому въ „Новый Свѣтъ“ стремятся не только люди труда, но и всевозможные аферисты, любители чужой собственности и легкой наживы, посягающіе на карманъ своихъ-же ближнихъ.

Конечно, чтобы осуществить желанную поѣздку въ далекую страну янки и хотя бы на первыхъ порахъ поселиться въ какомъ-либо штатѣ, необходимо, раньше всего, имѣть не американское, а чисто русское золото. Для этой цѣли предприниматель долго заокеанскаго путешествія не останавливается ни

передъ чѣмъ. Продается не рѣдко рѣшительно за безцѣнокъ все возможное обратить въ деньги—скарбъ, иногда скопленный долгими годами, тяжелымъ трудомъ—трудомъ даже ни одного поколѣнія... „Но вѣдь Америка—страна свободы и главное—наживы“—мечтаетъ злополучный россіянинъ—и прощается со своимъ насиженнымъ добромъ... Будемъ однако, безпристрастны.

Умудренный собственнымъ опытомъ, я постараюсь передать благосклонному вниманію читателей кое-что изъ сохранившагося въ моей памяти отъ поѣздки въ свободную страну долларовъ, въ которой приливъ иностранцевъ на столько великъ, что—какъ говоритъ послѣдняя статистика—коренныхъ американцевъ въ ней сохранилась лишь одна четвертая часть, остальное—элементъ прошлый... Вотъ сколько ѣдетъ въ Америку!

Авторъ.

I.

Журавль въ небѣ.

Въ Россіи я былъ частнымъ таксаторомъ—лѣсопромышленникомъ. Жилось не дурно. Но вѣдь человѣкъ всегда не доволенъ и жаденъ. Слыхалъ я много объ Америкѣ и объ американскихъ долларахъ—еще больше. Вздумалось и мнѣ повидать на старости лѣтъ „Новый Свѣтъ"—и попытать въ немъ счастья и удачи. Бросилъ насиженное мѣсто управляющаго имѣніемъ—и поѣхалъ. Но какъ поѣхалъ и какъ вернулся?—въ этомъ и будетъ суть моего повѣствованія. Можетъ быть кому нибудь и пригодится,—тому можетъ быть, кто будетъ искать журавля въ небѣ, имѣя синицу въ рукахъ, какъ это было со мною.

У меня въ Америкѣ была сестра жены г. Ейзенштейнъ. Жила она уже лѣтъ 20 въ курортномъ городѣ Denwer-

Colo и уже давно звала меня повидать страну Янки.

Она прислала для нашей семьи шифс-карту второго класса до Нью-Іорка и желѣзно-дорожные билеты отъ этого города до Denwer-Colo.

Обошлось это удовольствіе милой невѣсткѣ по 100 долларовъ на каждаго изъ насъ—мнѣ, женѣ и двумъ дѣтямъ.

Г. Ейзенштейнъ писала намъ по поводу нашей поѣздки очень заманчивыя письма: и денегъ пришлетъ на дорогу, и квартира съ мебелью у меня для васъ готова и магазинъ вамъ открою въ своемъ собственномъ домѣ и столъ и бѣлье будетъ... Ну какъ тутъ не ѣхать?

Въ январѣ 1910 г. получивъ проѣздные документы и на расходы до нашего парохода въ Гамбургѣ и проч., мы все распродали и въ мартѣ двинулись въ путь.

Я ѣхалъ изъ Вильны. Предъ отъѣздомъ зашелъ къ самому лучшему въ Вильнѣ глазному врачу, такъ какъ слыхалъ, что скверное зрѣніе можетъ быть серьезнымъ препятствіемъ на пути въ Новый Свѣтъ (таковы условія страны)

Виленская глазная знаменитость, испытавъ наше зрѣніе не нашла недостатковъ въ нашихъ глазахъ.

— Смѣло можете ѣхать въ Америку! увѣренно сказалъ намъ окулистъ на прощанье, получая отъ насъ депозитку.

Написали въ Эйдкуненъ агенту Гамбургской судоходной конторы о приготовленіи для насъ на лучшемъ пароходѣ кабинета второго класса. И во второй половинѣ апрѣля двинулись въ путь, первоначально, отъ Вильно до Вержболово по русскимъ дорогамъ.

Въ Вержболовѣ таможня осмотрѣла нашъ багажъ. Явился конторскій агентъ повелъ насъ къ прусской границѣ въ Эйдкуненъ. За нимъ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые должны сейчасъ вступить на Германскую Землю и оставить позади свое, для многихъ, дорогое отечество.

— „Что-то ждетъ насъ впереди?“ — вѣроятно ни одинъ изъ насъ задалъ себѣ вопросъ.

Сердце усиленно бьется, не то отъ радости, не то отъ печали. Новая земля—новые порядки—все новое.

Подошли къ запертымъ воротамъ какой-то тюрьмы, какъ намъ показалось.

—„Здѣсь контора“—говорятъ намъ. Сейчасъ отопрутъ.

Отперли контору и по счету впустили насъ въ средину „тюрьмы,“ черезъ длинный, узкій, какъ бы корридоръ, дворъ—мѣсто нашего пріема. Мѣсто нашего пристанища—огромный, сбитый изъ теса сарай,—холодный, хоть волковъ морозь. Всѣхъ заперли вмѣстѣ, безъ различія пола, костюмовъ и даже классовъ поѣздки. Элегантныя шляпы дамъ смѣшались съ платками мергаекъ*), лакированные ботинки франтовъ—съ дегтярными сапогами и даже лаптями жмогусовъ.**)

До того предусмотрительно администрація конторы, что даже и сѣсть не на чемъ. Тѣсно. Накурено. Воздухъ тяжелый. Ко всему этому голодъ даетъ себя чувствовать. Часа два ждали.

Наконецъ являются два чопорныхъ нѣмца. Отдѣлили мужчинъ отъ женщинъ и перевели насъ въ другой сарай, не лучше прежняго.

*) дѣвушекъ.

**) крестьянъ.

Здѣсь стояли столы изъ не обструганныхъ досокъ со скамьями около нихъ и здѣсь мы могли напиться „чаю“, вѣрнѣе теплой горьковатой воды, безъ сахару, съ ломтями хлѣба.

Изъ „столовой“ въ половинѣ девятаго вечера, насъ перевели въ баракъ—спальную, бывшій лазаретъ, состоящій, изъ нѣсколькихъ комнатъ по сто кроватей въ каждой, съ матрацами и подушками, безъ одѣялъ. Вскорѣ послѣдовала команда сторожа: „ложитесь спать!“

Не раздѣваясь, повалились на наши матрацы. Но до сна, конечно было очень далеко.

Въ 10 часовъ вечера явился обходъ (вѣроятно администраціи по переселенію). Всѣхъ насъ пересчитали. Электричество потушили и насъ заперли на замокъ—совсѣмъ тюрьма.

Въ 6 часовъ утра надо было вставать. О правильномъ умываніи нечего было и думать. Пологенцевъ тоже не полагается.

Съ дамами и дѣтьми все еще сообщенія нѣтъ. Но вскорѣ насъ соединили.

Звонокъ на завтракъ. Но меня при одномъ воспоминаніи о вчерашнемъ „чаѣ“ уже не тянетъ въ „столовую.“ Доставъ кое-что изъ корзины, мы также какъ и многіе изъ переселенцевъ, закусывали отдѣльно отъ общаго стола. За завтракомъ жена разсказала, что въ женскомъ отдѣленіи было не лучше мужскаго.

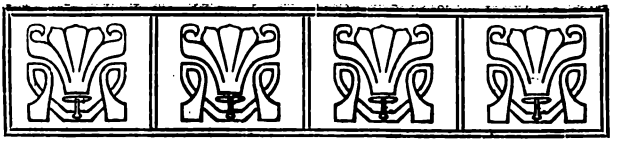
— „Сейчасъ придетъ врачъ для осмотра“,—сообщаютъ намъ.

Осмотръ врача начался часа въ 2 дня. Впускали насъ къ врачу по одному.

Только подъ вечеръ, изнуренные голодомъ и формальностями осмотра, мы вышли отъ врача.

Насъ, второклассниковъ отпустили въ городъ для ночлега. И я былъ радъ, что можно было поспать по человѣчески, въ гостинницѣ съ семьей.

Къ 10 часамъ утра мы явились опять въ контору. Здѣсь агенты выдали намъ билеты до Гамбурга. И мы имѣли, наконецъ, возможность оставить „гостепріимный“ Эйдкуненъ.



II

Въ экстренномъ поѣздѣ.

Въ полдень мы сѣли на экстренный поѣздъ, отходящій въ Гамбургъ и облегченно вздохнули, предоставленные сами себѣ. Но здѣсь опять бѣда, потому-что прусскіе вагоны не имѣютъ скамеекъ, сидячихъ мѣстъ въ вагонѣ только 11—остальные обречены стоять... Пожалѣли мы россійскіе вагоны, въ которыхъ не только сидѣть, но и лежать можно.

Къ тому-же въ наглухо закупоренныхъ и запертыхъ вагонахъ—духота и настолько они переполнены, что одинъ лѣзетъ на другого. Душно, накурено и полный безпорядокъ.

Пришла ночь,—пришлось пожалѣть даже о барачномъ ночлегѣ. Какъ прикажите спать въ вагонахъ при такихъ удобствахъ и смѣшеніи половъ? О мытьѣ

въ вагонахъ утромъ—и говорить нечего.

— „Гамбургъ!“

Слава Богу.

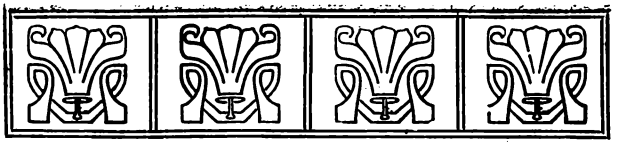
Конечно насъ встрѣтили конторскіе агенты и повели насъ, второклассниковъ, на экстренный городской поѣздъ. А пассажировъ низшихъ классовъ отправили къ позднимъ пароходамъ.

Попали, конечно, опять въ контору. Но долго насъ здѣсь не держали, а на дилижансъ перевезли насъ въ пароходную гостинницу, гдѣ каждый пассажиръ помѣщается на свой счетъ за 1 р. 50 к. въ сутки. Къ буфету-же, въ силу дороговизны, прямо нѣтъ преступу.

Рано забрались спать подъ перины, замѣняющія здѣсь одѣяла. И уже въ 7 часовъ утра бодрствовали.

Въ 10 часовъ насъ опять посадили на дилижансъ и отвезли къ вокзалу. здѣсь агенты намъ выдали билеты на экстренный поѣздъ, который довезетъ насъ до моря.

Пароходъ уже поджидалъ переселенцевъ. Съ берега насъ проводила толпа гражданъ, а пароходъ насъ встрѣтилъ музыкой и размѣстилъ насъ въ должномъ порядкѣ.



III.

На пароходѣ „Pensilwanie.“

Въ каютахъ парохода мы почувствовали себя какъ дома и, разложивъ свои вещи, вышли на палубу подышать свѣжимъ воздухомъ моря.

День былъ солнечный Гамбургъ жилъ своей оригинальной жизнью. Граждане, стоя на берегу, махали платками, снимали шляпы; а пароходъ нашъ, подъ звуки музыки, бойко бѣжалъ по водѣ.

Обѣдъ по звонку. Обѣдъ приличный и вполнѣ барскій въ общемъ залѣ.

Послѣ обѣда—опять на палубу,—взглянуть на безконечную даль воды и встрѣчные суда, отдающіе намъ, какъ имъ, церемоніальный привѣтъ.

Въ 3 часа чай и закуска; въ 7—ужинъ; въ 9—по каютамъ сонъ. Въ 6 часовъ утра музыкантъ съ огромной трубой проходитъ близъ каютъ—вста-

вать. Въ 7 часовъ утра—чай; въ 11—бульонъ. Потомъ обѣдъ. Такъ изо дня въ день, аккуратно, какъ часы.

На пароходѣ жилось недурно, до Ламаншскаго пролива (каналъ Ламаншъ), по которому мы ѣхали полторы сутокъ. На каналѣ было не мало жертвъ морской болѣзни, потому что воздухъ здѣсь другой и другая вода... Только выдя въ открытый рейдъ Атлантическаго океана мы нашли чистый воздухъ и здоровье.

Плохо спалось тогда, когда темная туча заволакивала горизонтъ, когда чувствовалась зыбь моря и собиралась гроза.

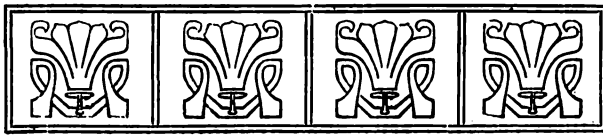
Тогда неустрашимый матросъ взбирался на самый верхъ гроссъ-мачты... Слышались колокольные сигналы каждыя 5 минутъ. Команда и пассажиры возбуждались какимъ-то зловѣщимъ предчувствіемъ... Счастливъ былъ только тотъ, кто уже спалъ спокойно въ каютѣ...

Утромъ опять засвѣтило солнце. Изумрудное море смѣялось своей вчерашней шуткой предъ людьми; и пароходъ весело бѣжалъ по волнамъ океана.

Вотъ уже 11-й день нашей морской прогулки.

Вблизи Америки появилось опять какое-то зловредное теченіе мутной и вонючей воды—и опять больные головой и рвотой.

На 12-й день мы были въ Нью-Іоркской гавани. Но изъ корабля насъ еще не отпускаютъ въ городъ.



IV

Разочарованіе.

Маленькій скорый пароходикъ плыветъ быстро прямо на насъ. Матросъ спустилъ съ нашего парохода канатную лѣстницу. Поднимаются къ намъ два лица—глазной врачъ съ помощникомъ изъ „проклятаго холма“ (Eilus Eisland).

Насъ пассажировъ приглашаютъ въ обѣденный залъ. Докторъ не особенно деликатно сталъ осматривать насъ и каждому прицѣплялъ ярлыкъ осмотра.

Потомъ отъ насъ позабирали багажныя квитанціи. Подошелъ маленькій пароходъ—и насъ, по частямъ, переводятъ къ виднѣющемуся издали огромному зданію—замку.

Зданіе дѣйствительно большое и вдобавокъ разгорожено рѣшетками (какъ клѣтки). Въ одну изъ такихъ

клѣтокъ попала наша семья. Но младшаго, 9-ти лѣтняго сына нашего почему-то изолировали отъ насъ. И одинъ изъ служащихъ зданія потащилъ его за руку, безъ всякихъ объясненій такого отвода.

Что мы подумали—только Господу Богу извѣстно...

Къ одному изъ служащихъ, повидимому тоже русскому эмигранту, хотя и успѣвшему уже обмериканиться, очень важному на видъ, въ золотомъ пэнсне субъекту, мы однако, рѣшились обратиться по нѣмецки съ вопросомъ по поводу изчезновенія сына.

— Его взяли въ госпиталь,—отвѣтилъ намъ господинъ въ пенснэ.

— Ребенокъ вѣдь будетъ плакать безъ родныхъ Подумаетъ, что мы бросили его,—запротестовали мы.

— Здѣсь не Россія,—отвѣтилъ намъ американецъ. Здѣсь цивилизованная страна: о вашемъ сынѣ заботятся лучше родныхъ.

Просидѣвъ часа три въ клѣткѣ, въ сомнѣніяхъ и страхѣ, эмигранты, наконецъ, услышали команду.

— Holia! (Идемъ).

Протащивъ насъ черезъ нѣсколько

корридоровъ, провели въ помѣщеніе съ пронумерованными дверьями.

— Женщины съ дѣтьми на право, мужчины—на лѣво!—слышится команда.

Въ каждую нумерованную комнату ввели человѣкъ по 100—150.

Въ комнату куда попалъ я, помѣстили только 19 человѣкъ. Заперли дверь на ключъ. Черезъ полчаса новая команда:

— Holia Oraj (идите ужинать).

Выпустили насъ въ столовую (вѣрнѣе въ какой-то сарай). Сотня досчатыхъ, необтесанныхъ, грязныхъ, замазанныхъ разной пакостью столовъ, съ такими-же, прикованными къ нимъ скамейками. На столахъ поставлены также грязныя кружки, тарелки, ложки, вилки, жестяные, но черныя какъ уголь отъ грязи на каждаго эмигранта порція чернаго хлѣба, на видъ какъ сырое тѣсто. Кое-гдѣ поставлено масло, годное развѣ для смазки колесъ.

Принесли чай въ ведрѣ и разлили по чашкамъ,—ложекъ и сахару не полагается потому что чай подслащенъ. Но вкусъ—полное отвращеніе. Подали

потомъ какую-то смѣсь гороха, крупы, селедки и мяса...

И это для пассажировъ 1 и 2 классовъ;—воображаю, что получили эмигранты 3 и 4 классовъ!

Угощеніемъ этимъ завѣдуетъ особое общество и, кажется, оно существуетъ на пожертвованія.

Послѣ ужина новый крикъ: Holia, Holia! (уходите). И мы снова подъ ключомъ, въ клѣткахъ. Спустили съ потолка постели (койки), застланныя темносѣрымъ сукномъ, безъ подушекъ и безъ одѣялъ. Тутъ-же клозетъ и уборная. Воздухъ тяжелый, удушливый.

Въ 10 часовъ—повѣрка и пересчетъ, также какъ въ Эйдкуненѣ.

Не всякій изъ насъ, ищущихъ новаго счастья могъ уснуть на новомъ мѣстѣ при такой удручающей обстановкѣ. Въ голову лѣзетъ масса мыслей...

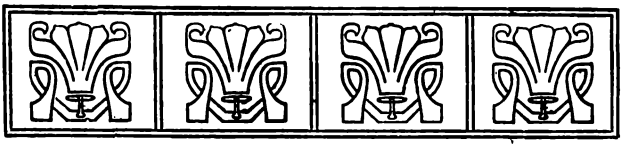
Въ 7 часовъ—вставать. Потомъ завтракъ похожій на ужинъ.

Послѣ завтрака позволено было совершить недалекую прогулку по зданію. Я забрелъ на самый верхъ (на галерку). Виденъ пустопорожній плацъ, огороженный желѣзною рѣшеткою. За

рѣшетками виденъ... Нью-Іоркъ! Видна воздушная дорога. По ней движутся поѣзда желѣзной дороги, экипажи, люди... Картина величественная, грандіозная...

Здѣсь эмигрантовъ могутъ посѣщать родственники, вызванные въ Нью-Іоркъ на свиданье. Свиданья только до 12-ти часовъ дня послѣ—камеры опять запираютъ на ключъ до обѣда,—2-хъ часовъ.

На другой день я сталъ хлопотать о допущеніи меня въ больницу къ моему мальчику. Но допустили къ сыну только мать. Мальчикъ былъ уже въ больничномъ халатѣ и вполнѣ по больничному положенію



V.

Судъ Коммиссіи.

Вскорѣ всѣхъ насъ пригласили въ Коммиссію для осмотра.

Открылось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ президента. Столъ застланъ синимъ сукномъ. Кругомъ полная торжественность. Здѣсь смѣшались вмѣстѣ эмигранты, всякихъ національностей и нарѣчій...

Раньше всего насъ привели къ присягѣ по командѣ:

— Поднимите правыя руки вверхъ! Выставьте только два пальца—указательный и средній! И показывайте всю правду! Отвѣчайте!

— Изъ какой земли?

— Какой губерніи? Гдѣ живете?

Когда-же мы, русскіе, назвали свое отечество—на лицахъ американцевъ выразилось явное презрѣніе.

— „Почему?—За что?“ невольно навязывались вопросы развѣ Россія не дала Америкѣ лучшія рабочія руки? И развѣ Америка не свободная, просвѣщенная страна, уважающая равенство всѣхъ націй?

Повидимому, и въ Америкѣ на этотъ счетъ можно разочароваться... Однако, къ вопросу.

— Сколько лѣтъ?—Чѣмъ занимались?—Куда и къ кому ѣдете?—Заготовлены-ли занятія или заработокъ на мѣстѣ въ Америкѣ?—Кто снимаетъ съ парохода?—Есть-ли 50 руб., необходимыхъ для вступленія на американскую территорію? Покажите деньги.

У кого мало денегъ—не впускаютъ. Если много ихъ говорятъ навѣрно украдены. Словомъ массу оскорбленій слышатъ и видятъ эмигранты.

— Есть-ли родственники или знакомые въ Америкѣ, могущіе предоставить трудъ?

Если нѣтъ такого человѣка—нельзя вступить на землю Новаго Свѣта; а если есть—опять плохо: заработокъ

отбирается отъ американцевъ. Одни слишкомъ стары, другіе—слабы, а тотъ молодъ. Словомъ придирки вездѣ.

Намъ обѣщали возвратить мальчика изъ лазарета дня черезъ два и пропустить всѣхъ въ Denver-Colo. Однако, на 3 или 4 день насъ позвали опять въ Коммиссію, гдѣ и объявили намъ, что нашего мальчика излѣчить скоро нельзя и потому намъ слѣдуетъ уплатить 60 долларовъ для найма человѣка, съ которымъ пошлютъ нашего сына въ Вильну къ бабушкѣ (матери жены). Пришлось и на это согласиться.

Дали телеграмму въ Денверъ-Коло къ шурину и сестрѣ жены о высылкѣ денегъ...

На пятый день снова зовутъ насъ въ Коммиссію, гдѣ намъ заявляютъ, что мы должны возвратиться въ Россію вмѣстѣ съ нашимъ сыномъ.

Намъ было представлено право аппелировать президенту страны. Для этой цѣли намъ былъ присланъ представитель общества защиты эмигрантовъ Loiera (адвокатъ).

— Я слыхалъ,—сказалъ адвокатъ, что вы жалуетесь на плохую пищу и

невѣжливое обхожденіе съ вами. Вѣрю вамъ, аппеляціонная жалоба продлиться недѣли 2—3. при этомъ неизвѣстно— будетъ ли отвѣтъ въ вашу пользу. Долго вамъ придется быть на теперешнемъ режимѣ—и врядъ-ли вы все это перенесете. Совѣтую вамъ лучше всего вернуться въ Россію.

Жена стала тоже просить меня о возвращеніи

Быстро администрація распорядилась о переносѣ нашего багажа. И мы снова очутились на „Pensilwanie„ который привезъ насъ въ Америку. Разница получилась, только въ томъ, что насъ вмѣсто 2-го класса помѣстили въ 4-й классъ въ трюмѣ судна, вмѣстѣ, конечно, съ возвращеннымъ намъ мальчикомъ.

Темно, грязно, тѣсно, душно... Господи! за что мы терпимъ это наказаніе? Вѣроятно только за то, что за насъ аккуратно заплачено пароходной компаніи и еще за то, что насъ не могли вернуть изъ Гамбурга или изъ Эйдкунена даже, гдѣ зрѣніе всѣхъ членовъ нашей семьи оказалось вполнѣ нормально.

Извольте переказать Атлантическій океанъ, пожертвовать на это, кромѣ расходовъ чуть-ли не мѣсяцемъ времени—и маршъ обратно въ Россію. Вотъ воочію порядокъ и справедливость свободной страны Янки.

„Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?"

Вмѣстѣ съ классомъ перемѣстился и столъ нашъ.

Всего возвращено человѣкъ 800.

Горе соединяетъ людей лучше чѣмъ радость Мы возвращаемые, поняли другъ друга и не рѣдко плакали вмѣстѣ самыми искренними слезами.

Черезъ 12 дней мы были опять въ Гамбургѣ.

VI

Обратно.

Обратный путь на пароходѣ казался какъ будто веселѣе пути въ Америку. Шутки, смѣхъ, выпивки, пѣніе, танцы. Но, приглядѣвшись по ближе, становится понятнымъ, что въ этомъ послѣднемъ взрывѣ веселья много грусти...

Прислушайтесь, что говорятъ группы.

— Мой отецъ не знаетъ, что я уѣхалъ,—говоритъ молодой парень,— я его очень огорчилъ.

— А мнѣ батька,—отвѣчаетъ другой молодой человѣкъ по польски, еще далъ на дорогу 300 руб., лишь-бы я бѣжалъ отъ военщины. Ну, конечно, онъ вѣдь заядлый полякъ, помнитъ еще послѣднее возстаніе—и русскихъ терпѣть не можетъ.

— А я, братцы, хоть и русскій, говоритъ третій собѣсѣдникъ и хоть не бѣгу отъ службы военной, но прикопить копѣйку не мѣшаетъ. А въ Америкѣ, говорятъ, заработокъ недурной. Я еще молодъ—два года до службы осталось. И къ военной службѣ я непремѣнно бы вернулся въ Россію—и сталъ служить Царю и Отечеству.—Вы богаты, добавилъ свою рѣчь русскій юноша. Вотъ теперь угощаетесь и пейте... На вашемъ мѣстѣ я бы никогда не поѣхалъ въ черную землю.

Товарищи русскаго почему-то обидѣлись за такую простую рѣчь своего компаньона и стали иронизировать по его адресу.

Слово за слово. Мнѣнія молодежи раздѣлились и обострились на столько, что завязалась драка.

— Ну, а почему васъ возвратили? обратился я къ одному изъ молодыхъ людей, завязавшему со мной разговоръ. Вѣдь вы здоровый и сильный человѣкъ?

А за то, что я сказалъ, что у меня есть 300 руб, а когда посчитали мои деньги ихъ оказалось 500 руб.

— А тѣ, что отъ военной службы

бѣжали, до возвращенія—какъ разъ къ призыву успѣютъ,—добавилъ задумчиво мой собѣсѣдникъ. И я также. Ну, да, авось, черезъ другую границу переберемся...

— Лишь-бы не попасть опять въ такую кашу, какую намъ пришлось расхлебывать въ Нью-Іоркѣ,—вставилъ я свое слово. Вмѣсто такихъ придирокъ не лучше-ли бы было прямо объявить, что русскимъ въ Америку въѣздъ воспрещенъ. Вѣдь многіе съ досады или горя побросались въ океанъ...

Молодой мой собѣсѣдникъ, однако, плохо меня слушалъ и объявилъ мнѣ, что идетъ спать.

Надъ пароходомъ распростерлась пелена ночи.

А я сидѣлъ и думалъ...

Ежедневно тысячами изъ Россіи плывутъ въ Америку эмигранты, но они, бѣдные, не знаютъ что ихъ ждетъ на пути.

Въ каждомъ большомъ городѣ, во всѣхъ государствахъ учреждены общественныя, справочныя и вспомогательныя бюро эмигрантовъ,—почему-же эти бюро не объявятъ о всѣхъ злоключе-

ніяхъ дороги, не предупредятъ своихъ кліентовъ обо всемъ. Или, наконецъ, пусть эти бюро заботятся исходатайствовать свободный проѣздъ въ свободную страну Янки.

Всѣ злополучія дороги и вынудили меня, какъ дѣйствующее, пострадавшее и потерпѣвшее лицо, написать эти справедливыя замѣтки, которыя я намѣренъ перевести на языки тѣхъ національностей, которыя даютъ больше эмигрантовъ въ Новый Свѣтъ.

Оказывается, что проѣздные билеты (Schifs-kart) можно купить и съ выплатой платежа. Значитъ, немного надо денегъ, чтобы вытащить изъ стараго свѣта (Европа) въ Новый Свѣтъ тысячу людей...

По моему продажа шифсъ-картъ на выплату должна быть вовсе уничтожена, какъ большое зло. Можно-ли, имѣя въ виду эту выплату, пенять на агентскія конторы и порядки.

VII.

Опять въ Гамбургѣ.

Вступивъ на землю Гамбурга, мы избавились отъ пароходной опеки и отъ трюма 4-го класса.

Насъ отвели подъ конвоемъ, конечно, въ главную контору Гамбургско-Американской линіи, помѣщающуюся близь морской пристани.

Народу набито вездѣ битком. Всѣ ожидаютъ выдачи билетовъ на обратный путь и путевыхъ издержекъ по уставу.

Контора назначила выдать деньгами всѣмъ ѣхавшимъ въ 3 и 4 классахъ. А ѣхавшихъ въ высшихъ классахъ—стали распрашивать—сколько у нихъ есть денегъ и даже не только повѣряли кошельки, но и обыскивали во всѣхъ карманахъ. И у кого оказывалось достаточно денегъ для проѣзда, того подъ,

конвоемъ, ввели въ желѣзно-дорожные кассы и заставляли купить билетъ на свой счетъ. А между тѣмъ конторы эмиграціи обязаны дать возможность эмигрантамъ возвратиться на родину— на счетъ компаніи.

Семья наша, какъ я уже говорилъ, ѣхала обратно въ 4-мъ классѣ, тѣмъ не менѣе агенты компаніи причислили меня ко 2 классу и билетовъ на проѣздъ намъ не купили.

Хорошо, что намъ было выслано 100 р. на обратную дорогу, иначе хоть ложись да умирай. Контора объ этихъ деньгахъ тоже знала, такъ какъ онѣ были высланы черезъ нее.

Купивъ билеты для семьи за свой счетъ я тѣмъ самымъ избавился отъ всякаго надзора со стороны компанейскихъ шакаловъ. Свободно остались въ Гамбургѣ, гдѣ три дня благодушествовали и отдыхали. Затѣмъ мы проѣхали въ Берлинъ и Кенигсбергъ.

Въ Берлинѣ, и въ Кенигсбергѣ тоже есть конторы для эмигрантовъ. Мы взглянули и на нихъ; но и тамъ дѣло обстоитъ не лучше, нежели въ Эйдкуненѣ, Гамбургѣ и Нью-Іоркѣ.

Вездѣ видна „благотворительная“ цѣль конторъ—нажива.

Въ заключеніе нельзя не обратиться къ правительствамъ всѣхъ странъ съ горячею просьбою—вникнуть въ положеніе эмигрантовъ и повліять на хищническія конторы въ томъ направленіи,—чтобы дѣло передвиженія въ другое государство, въ другую страну было поставлено возможно гуманнѣй и справедливѣй теперешняго.

Покидающимъ почему-либо свое отечество и отъѣзжающимъ въ чужую, далекую землю, я совѣтую прочесть эти скромныя строки, не претендующія на литературный авторитетъ, а просто „не мудрствуя лукаво“, разсказывающія самую обыкновенную, испытанную на себѣ исторію.